

Дмитрий Федюшин

Меня уже не существует

18+

Дмитрий Федюшин

Меня уже не существует

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Федюшин Д. Г.

Меня уже не существует / Д. Г. Федюшин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Что если вы уменьшаетесь с каждым днем и не к кому обратиться за помощью, потому что все люди, которых вы знали, вдруг вас забыли?! Знакомые и друзья не узнают вас, будто вы никогда не существовали. Главный герой в полном смятении запирается дома и внешний мир для него приобретает совсем иной вид. Также ему постоянно снится сон, в котором некая сила тянет его сквозь пустоту космоса к далекой звезде. Эта сила словно высасывает из него жизнь.

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

1

Сегодня мой рост – 152 сантиметра. Это на 4 сантиметра меньше, чем вчера и на 7, чем три дня назад. Значит, процесс снова ускорился.

Теперь уже сложно определить, с чего все началось. Стоит ли полагать точкой отсчета, когда я обнаружил, что мой рост составляет 175 сантиметров, в отличии от моих обычных 180, и окончательно осознал, что что-то происходит? Или же началом можно считать первые аномалии, которые стали происходить вокруг меня? Которым я сперва не придал значения и лишь постфактум приписал их к данным обстоятельствам. А может, все началось еще раньше, с каких-то не заметных для меня деталей и предпосылок? Может и так. Сейчас, находясь в водовороте складывающейся ситуации, я не в состоянии ответить наверняка.

Я подошел к окну на кухне – место, в котором я провожу большинство времени в последние дни.

«Как мой покойный дед перед смертью» – подумал я и усмехнулся.

Я осмотрел стекло, особенно углы между дряхлыми рамами, где собрался мусор. Раньше я не замечал, какое оно грязное, и вообще не отличался педантизмом. Впрочем, как и большинство мужчин, ведущих расхлябанный, холостяцкий образ жизни.

– Давно надо было поменять на евро-окна, – продолжая оглядывать стекло, сказал я вслух, словно старый хозяин, для которого эти бытовые детали действительно имеют значение.

На самом деле я всегда плевал на все это. Благоустройство ради жизни, накопление вокруг себя разных предметов, которые якобы должны вселять тебе уверенность и счастье. Но по сути они делают тебя заложником определенного уровня и формата жизни. И вдруг становится страшно возвращаться назад. Уже кажется, что эти предметы стали частью твоей души, олицетворяя целый ее пласт, на котором они срослись со многим другим. Но ведь это всего лишь вещи, которые существуют отдельно от тебя.

Лично я не был подвержен ни положительному, ни отрицательному их влиянию. И не потому, что в своей снобистской слепоте считал себя созданным для более высоких идей, наоборот, я думаю, что умение видеть красоту в абсолютно разных вещах – это необыкновенный дар. Просто у меня не было такого контакта с предметами, я не замечал их, они не замечали меня и не околдовывали своими чарами.

«Да и *что*, в конечном итоге, все эти предметы?» – подумал я, оглядывая кухню.

Что они должны значить? Неужели, когда человек их покидает (навсегда или на время), они вбирают в себя частичку его души? Нет, разве что так кажется другому человеку, у которого определенная вещь ассоциируется с прежним владельцем, но этот контакт иллюзорный, поскольку складывается только в его восприятии. А сами предметы остаются глухи и безучастны.

Вот еще из-за такого отношения я поначалу не особо обратил внимание на первые аномалии, когда у меня стали пропадать вещи. Ручки, листки с планируемыми делами на рабочем столе (у меня была большая страсть все записывать), моя футболка, один раз даже пропала книга, которую я читал. К тому же, это коснулось не только меня. Пару раз ко мне подходили сотрудники, спрашивая: не видел ли я что-то ихнее. А однажды, на следующий день после того, как я заезжал к маме в гости, она позвонила и сообщила, что невероятным образом исчезла чашка, из которой я всегда у нее пью. Не разбил ли я ее и не выкинул ли втихую осколки? Я ответил, что конечно нет.

Разумеется, у всех нас бывают моменты, когда что-то личное пропадает неведь куда, но в моем случае это была просто напасть, которая продолжалась недели две. И когда я даже провел линию между этими частными происшествиями, то лишь посмеялся, что такая «вакханалия вокруг творится», абсолютно не ощутив угрозы.

Сейчас, когда я уже соединил эти обстоятельства со всем последующим, мне кажется, что некая сила, метившая в меня, не нарочно заставляла исчезнуть эти предметы. Забирала их куда-то. Она словно не могла сфокусироваться, совершала ошибку за ошибкой, пока наконец не набрела на цель.

Куда девались эти вещи? Почему это происходит? Я не знаю. Это настолько странно, противоестественно. Я уже много дней бьюсь над разгадкой своей кошмарной трансформации, часами просиживаю перед окном, хожу из угла в угол по кухне, иногда даже наматываю круги по всей квартире. Мои глаза бороздят паркет и линолеум, стены и мебель, и я упорно размышляю, но... я не знаю.

2

– Слушай, что-то ты сильно похудел, – сказал Влад.

Мы расположились на скамейке, недалеко от моего дома. Я пил сидр, он – слабоалкоголку.

Вечер выдался очень теплым и заново привнес дыхание лета в увядающую октябрьскую природу. А во мне всколыхнулось желание увеселений и громких вечеринок, какое обычно посещает меня весной. Но я ограничился встречей с другом.

Он сидел на скамейке, а я стоял напротив него и курил, и возможно, именно потому он так хорошо это разглядел.

– И как будто стал пониже, – добавил Влад, в недоумении меня рассматривая.

– Пониже? – удивился я.

И вот тут я впервые ощутил, что что-то происходит. Мне стало не по себе, словно холодные пальцы незнакомца опустились сзади на шею. Весь мой романтический настрой, навеянный прекрасной погодой, мигом развеялся.

Я вспомнил, как сегодня с утра, собираясь на работу, вдруг обратил внимание, что подвесная полка с моими книгами, на которую я часто поглядывал, как будто ушла вверх по стене. Нет, как будто я смотрю на нее с другого ракурса... чуть ниже, словно согнув колени, хотя я стоял в полный рост. Из-за утренней спешки эта странность быстро покинула мои мысли. И хотя на работе я несколько раз испытал нечто подобное, я, опять-таки в спешке, приписал это тому, что сильно сутулюсь, и старался держать спину ровнее. Теперь все эти мелкие впечатления вернулись леденеющими каплями.

По приходу домой я тут же померил свой рост: стал спиной к лутке двери, отметил карандашом над головой и отмерил рулеткой. Рулетка показала 175 сантиметров. Я несколько раз перепроверял, но результат оставался прежним. Непостижимым образом я стал ниже на 5 сантиметров.

Утром, только встав с постели, я сразу же повторил этот обряд. Рулетка показала 173 сантиметра.

В этот день произошла еще одна странность, которая при иных обстоятельствах не оставила бы такого неприятного следа. Но сейчас я не мог избавиться от ощущения мистической связи всего происходящего, даже тех деталей (теперь я это понимаю), которые отношения к делу не имели.

Я шел с работы и заметил, что навстречу мне идет знакомый. Мы давно не виделись, к тому же за те много лет, что друг друга знаем, мы лишь один или два раза пили вместе кофе, общаясь с глазу на глаз, и несколько раз находились в одной компании. Однако всегда вежливо здоровались, порой даже интересуясь, как у кого дела.

Я увидел его еще из далека, но он, кажется, меня не замечал. Подойдя близко, я товарищески улыбнулся и протянул руку, чтобы поздороваться. Он наконец обратил на меня внимание и протянул руку в ответ, но сделал это как-то механически, а на лице застыло легкое удивление.

– Привет. Как поживаешь? – спросил я добродушно, принимая неуверенное рукопожатие.

Я все еще считал эту заминку случайной, не особо в нее вдумываясь. И хоть я был в мрачном замешательстве после открытия ситуации с ростом, стандартная маска приветливости автоматически прилипла к моему лицу.

– Привет... Да ничего, отлично, – ответил приятель, все более выражая недоумение.

– Ты что не узнаешь меня? – усмехнулся я.

– Э-э-э...

– Я – Дима, мы с тобой сто лет знакомы.

Я еще улыбался, но внутри у меня все сжалось. Мне вдруг пришла в голову безумная мысль, что я стал не только ниже ростом, а и переменялся во внешности. Что со мной произошла невероятная трансформация, из-за которой меня теперь не узнают люди. Давно ли я смотрелся в зеркало? Как я сейчас выгляжу?

Неожиданно мне захотелось бежать домой, чтобы скрыться от чужих глаз и поскорее увидеть свое отражение. Почему-то мне стало неловко перед знакомым, хотя, при ином раскладе, это ему должно было быть неловко, что он меня не узнает.

Он, между тем, внимательно взгляделся в меня, пытаясь вспомнить. Вдруг его глаза прояснились.

– А, Дима! Привет! – Он снова пожал мне руку и сердечно ее потряс. – Я что-то... переработал наверное.

Затем он еще раз пристально посмотрел на меня и сказал:

– Ты как-то по-другому выглядишь. Похудел или что?

Я уже не был таким приветливым, поскольку не мог полностью скрыть неприятных чувств, бушующих у меня внутри. Мы неуверенно обмолвились парой слов и разошлись каждый в свою сторону.

Дома я долго рассматривал себя в зеркале и пришел к выводу, что никаких изменений в моей внешности не произошло, если не считать того, что я стал *меньше*. Да, теперь это было очевидно, я не просто похудел, а уменьшился в размере.

Я учащенно дышал с приоткрытым ртом и буравил глазами отражение. Я чувствовал, как во мне, словно раскаленный сгусток, зреет приступ паники. Но, несмотря на мое состояние, которое походило на хрупкий деревянный мост, нависший над пропастью, я понимал, что знакомый не смог бы меня не узнать только поэтому. Случившихся изменений недостаточно, ведь мой облик остался прежним, а он действительно растерялся и не мог меня вспомнить.

«Должны быть еще какие-то причины, о которых я пока не знаю» – думал я, ощущая потусторонний страх.

Вскорости мои подозрения подтвердились и эта ситуация усугубилась.

3

Я сидел возле окна на кухне и пытался вспомнить сон. Восстановить малейшие детали, заново их прочувствовать, чтобы докопаться до сути.

Я находился в глубоком бесконечном космосе и всецело ощущал благоговение и трепет перед колоссальной и всеобъемлющей пустотой, сомкнувшейся вокруг меня. Также я ощущал полную невесомость. Очевидно, настолько, насколько мог себе это представить, поскольку я в невесомости никогда не бывал. Все чувства обострились и, как это часто бывает во сне, я испытывал их ярче, чем вероятно испытал бы в реальности, поскольку случись это в реальности, мои эмоции бы усложнились и рассыпались на осколки оттенков. Во сне, так же, как и в наших представлениях о каком-то событии будущего, чувства – это концентрат, а в жизни они размазываются по бытовым деталям, словно масло по бутерброду.

Помнится, во сне я даже подумал, что ничего подобного никогда в жизни не ощущал. Что, хоть я всегда по-дилетантски увлекался космосом и не раз пытался представить его безграничные просторы, *это* ощущение стократно сильнее всех моих воображаемых экспериментов. Оно было настолько полным, словно я шагнул за пределы своего тела и сознания, действительно оторвался от земли, оставив там все ограничители. Разве может бодрствующее сознание вместить в себя понимание *такой* пустоты?

Далее впереди я видел звезду. Яркое белое сияние с синеватым ореолом скрывало ее физический размер, но я понимал, что это сама звезда. Что наблюдаю не только свет, от нее исходящий, что она действительно близко, поскольку я видел небольшой диск, а не просто точку. И звезда затмевала своим сиянием другие светила вокруг себя.

Мне случалось смотреть в телескоп, и я испытал разочарование, когда понял, что невооруженным глазом мы видим не звезды, а только их свет. Я имею ввиду не то, что мы видим их спустя много лет из-за скорости света, а то, что с нашей позиции, вследствие удаленности, их размеры на самом деле гораздо меньше, чем сияющие точки, которые мы видим. То есть, если бы звезды не излучали мощный поток света, а только отражали его, как Луна, то мы бы их не смогли разглядеть, потому что их физические размеры были бы гораздо меньше даже тех мерцающих точек на нашем небосводе. В отличии, например, от Солнца, которое находится настолько близко, что мы имеем представление о его настоящих размерах, поскольку видим диск.

Но здесь я наблюдал саму звезду. Она зависла в пустом пространстве и вдруг я понимал, что вероятно нахожусь к ней ближе, чем к Земле. Я не оглядывался назад, не искал глазами Землю, меня сразу охватывал безотчетный страх. Я начинал ощущать, что, несмотря на невесомость, я плыву прямо к звезде. Медленно, но все же я двигался сквозь всеобъемлющую пустоту, потому что неведомая сила притягивала меня к ней.

Сила эта была ни на что не похожа. Я не видел и не понимал ее, но когда во сне я о ней думал, мне казалось, что я соприкасаюсь с чем-то инородным. Сознание отрывалось от оков привычного восприятия, и я начинал ее постигать. В ней все было настолько по-другому, с иными взаимосвязями, что заостренный ум бодрствующего вряд ли будет способен этим проникнуться. Меня словно охватывали тайные прикосновения пальцев потустороннего и через них в меня проникала эта сила, и уже не казалась мне настолько чужой, будто миновал первый шок. Но как только я просыпался, все эти ощущения рассеивались, вытесненные насущной реальностью. И контакт с этой силой начинал казаться мне страшным, хотя я смутно помнил, что, когда я во сне уже с ней соединился, страха я не испытывал.

Бодрствуя я не раз к этому мысленно возвращался и пытался вспомнить, уловить те особые значения и понимание этой силы. Но передо мной словно стоял блок, не дающий мне проникнуть дальше.

Я помню, что за моим пониманием следовали какие-то умозаключения. Очень важные, очень особенные. Раз за разом после этого сна я пытаюсь воссоздать его во всех деталях, чтобы по последовательности перейти к этим выводам. Но вижу лишь табличку с надписью «мысль» на двери с матовым стеклом, за которым мелькают неясные силуэты.

Также я не помню, происходят ли далее в этом сне какие-то события или он на этом заканчивается. События вообще дело второстепенное во снах. Они, в отличие от эмоций, наоборот более тусклые, размытые и легко перетекают из одного в другое, без соблюдения законов логики. Внешний мир конечно совершенно другой, его можно назвать логичным (хотя не стоит забывать, что логика, рациональность – это только слова, не существующие без нас, сами по себе, и обличают они лишь инструмент нашего понимания действительности), но воспринимаем мы его события довольно похоже, как и события в мире сновидений. Скачками, временами смутно. Ко всем пяти органам чувств добавляем воспоминания, ассоциации, размышления. Наше восприятие «теперь» всегда смешивается со знанием прошлого и мыслями о будущем. И хоть реальность развивается вокруг нас линейно с точки зрения времени, мы ее проживаем отрывочно, потому наше восприятие внешнего мира гораздо ближе к нашим снам, чем к самому внешнему миру. Только во сне мы закупорены внутри себя, а в жизни выходим на контакт с окружающим, но продолжаем пропускать все, стучащееся снаружи, через внутренние сенсоры.

Единственный вывод, который я сделал из этого странного сна, что я вижу его чаще, когда процесс моего уменьшения становится интенсивнее. Ведь он тоже проходит всплесками, бывает я за день-два стану ниже всего на полсантиметра, а порой теряю по 3-4 сантиметра в сутки.

4

Очевидно, сейчас происходит очередной всплеск, потому что я уже третью ночь в подряд вижу этот сон и мой рост сегодня составляет 145 сантиметров.

Я обнаружил, что у меня заканчиваются продукты. Сигарет еще было больше блока, то есть хватит на дней 12-15, а вот еды осталось всего на 2-3 дня. Значит, надо выйти в магазин и никуда от этого не деться. Хорошо еще, что денег хватает. Но в этот раз нужно запастись максимально, и не только провиантом и сигаретами, а и взять побольше алкоголя.

Совсем не хочется быть снедаемым желанием выпить, от нечего делать, от полной безысходности, но бояться выйти на улицу. И терзаться в этой дилемме, наматывать круги по всей квартире из-за такого пустяка, впадать в паническую ярость и разбивать позолоченную статуэтку коня, которую мне подарила мама в год Лошади. Совсем не хочется того, что было вчера, так что из этой вылазки необходимо выжать максимум. И похоже придется сцепить зубы, закрыть глаза на весь мир и сходить дважды, потому что мои «грузоподъемные» способности снизились с моим ростом.

Я будто глотал отраву, когда думал, как буду идти в магазин. Это преддверие сокрушало меня постоянно, и когда уже казалось, что я готов отказаться от данной затеи, я выплевывал отраву и наполнял себя циничным мужеством. Горьким, но бодрящим.

Неудивительно, что в прошлый раз я не скупился как следует, ведь я не знал на сколько времени нужно запастись.

На следующий день после встречи со знакомым, когда он с трудом меня узнал, мой рост уже был меньше 170 сантиметров. Собираясь на работу, я обнаружил, что одежда висит на мне, как на вешалке. Рукава стали длиннее, плечи обвисли, словно на девушке, которая замерзла и накинула на себя куртку своего парня.

Я стоял перед зеркалом и разглядывал свой убогий вид, а внутри у меня все стягивалось в тугий пучок от страха и стыда, когда я представлял, что пойду вот так на работу. На самом деле тогда разница еще не была настолько большой, как мне казалось, просто конфуз и шок от моей резкой трансформации дорисовал размеры.

В лифте я встретил соседа и машинально поздоровался, а сам сцепил ладони перед собой, чтобы рукава не казались такими длинными. Он поздоровался в ответ и на его лице отразилось несколько неожиданных эмоций. Он меня явно не узнал, однако пару раз бросил вроде бы небрежный, но внимательный взгляд, словно никак не мог вспомнить – где и когда встречал меня раньше. От этого взгляда я похолодел, у меня вдруг возникло странное ощущение, что я оказался в совершенно чужом месте. И хотя я понимал, что в самом взгляде не было ничего, кроме обычного любопытства, этот кадр прочно засел у меня в голове и прокручивался снова и снова.

Добираясь на работу, я все ждал, что буду ловить на себе пристальные взоры всех окружающих из-за висящей на мне одежды и порой с опаской осматривался по сторонам. Но люди лишь несколько раз посмотрели на меня с интересом, и то в ответ на мои лихорадочные оглядывания. В остальное время окружающие, как обычно, были заняты самосозерцанием, своими мыслями, убиванием времени с помощью телефонов и суматошной спешкой, при которой внутри ничего не происходит, кроме шелеста пустоты.

По пути от метро до офиса я собрался с силами и позвонил своему товарищу-врачу. Он был рентгенолог, но обладал неплохими познаниями в медицине, и лучше посоветоваться сначала с ним. Как только он взял трубку я тут же выпалил, что творятся невероятные вещи, что, похоже, я уменьшаюсь, и выдал целую тираду обо всех тонкостях моего состояния. Он сперва меня не узнал, но я не обращал внимания на его смущение, заранее подготовившись к такой ситуации. Вскорости Коля меня вспомнил, но все равно по его ответам и реакции

казалось, что за моим именем в телефонной книжке для него не скрывается почти ничего. Поначалу он внимательно слушал и задавал вопросы, но когда узнал все нюансы моего недуга, то стал смеяться и переводить все в шутку. Я возмущался и пытался вернуть беседу в серьезное русло, но встречал непробиваемую стену юмора. После он добродушно извинился, сказал, что ему надо бежать и пообещал перезвонить позже. Разумеется, никакого следующего звонка так и не состоялось.

Я пришел в офис и сразу же направился к начальству. До зарплаты оставалось четыре дня, и я попросил выдать мне ее сейчас по чрезвычайным обстоятельствам, также сообщил, что мне срочно требуется уйти на больничный.

– А что случилось? – спросил шеф вполне участливо, без доли сарказма.

Его глаза неприятно ощупывали меня, взгляд был пытливым, но не холодным. Он был в замешательстве и похоже пытался понять, что же во мне изменилось.

Я сказал, что мне приписали один очень нехороший диагноз, о котором я предпочел бы умолчать. Точнее подозрение на диагноз и теперь нужно срочно сдавать анализы, обследоваться, и уже по результатам принять решение, как действовать дальше. Я держался естественно, без глупой наигранности, к тому же раньше за мной не замечали никаких хитростей. Болел я редко, да и взаимоотношения с начальником были хорошие. Он поверил насчет диагноза, ведь и сам заметил во мне что-то новое. Поэтому выдал зарплату и сказал:

– Как только что-то будет известно, сразу же сообщи.

Я взял деньги и вдруг захотел мигом бежать, пока еще мало кто меня видел. Но я тут же понял, что если стану спасаться бегством, то почувствую себя еще хуже. Потому что путь предстоял через мое рабочее место и через сотрудников, которых я вижу каждый день.

Проходя мимо них, я хотел было ограничиться словесным прощанием, но совсем рядом оказался сотрудник, с которым я хорошо общаюсь, и в итоге я пожал ему руку. А в связи с этим пришлось пожать руки уже всем. Кто-то задавал вопросы, но я обходился краткими общими ответами, потом сказал:

– У меня кое что по здоровью случилось. И надо сейчас это решать.

Во взглядах некоторых я встречал то же, что и в глазах начальника – замешательство. Они никак не могли понять, что же со мной не так. То, что я уменьшился в размерах было очевидным, но это обстоятельство было настолько противоестественным, не согласующимся с тем, что их глаза привыкли видеть, что мозг отказывался верить и инстинктивно искал объяснения в других причинах. Например, в слишком просторной куртке. Но ведь эту куртку они тоже знали и их глаза помнили, как она на мне сидит, поскольку я часто приходил в ней на работу весной и осенью уже не один год. Вот тут возможно они задавались вопросом: неужели он всегда так выглядел, неужели всегда был таким мелким? Но ответ скрывался в неожиданно зыбком и туманном прошлом, потому что (теперь я это знаю) они стали меня забывать. Особенно те, кто мало со мной общался. И может быть кто-то из них пришел к открытию, что – это невероятно, но мне кажется он уменьшился в размере. Если так, то единицы, и скорее всего они не поделились своей догадкой с остальными из-за ее абсурдности и, как оказалось, неуместности, потому что лица большинства с каждой минутой после моего ухода становились все более невозмутимыми. Я думаю, что они вообще не обсуждали эту аномалию и забыли о ней очень быстро. Неведомая сила хотела, чтобы так было. Сперва они забыли обстоятельство так их смутившее, а меня, думаю, забыли окончательно через пару дней. Словно меня никогда не существовало на свете.

В тот же день я обменял двести долларов, которые у меня лежали про запас, и скупился. В банке и в магазине я продолжал чувствовать себя неловко, но люди, которые меня не знали, по-прежнему не обращали на меня внимания, и я немного расслабился. Перестал постоянно подтягивать рукава, когда они сползали на ладони, а после скупки даже выпил кофе. Смутно я понимал, что это мой последний кофе, выпитый на улице, на долгое время вперед, но это

осознание, как и многие другие мысли, рождалось и умирало где-то в глубине меня, скрытое пеленой тумана. Тем не менее в магазине я тоже подумал об этом и купил домой кофе в зернах.

Вернувшись в квартиру и разложив покупки, я посмотрел на содержимое забитого холодильника и подумал – сколько же всего вкусного мне предстоит съесть. Впереди у меня много свободного времени, которого мне вечно не хватало. И пусть оно досталось мне весьма неприятным способом, я постараюсь извлечь из него максимум удовольствия.

Но даже пребывая в таком неожиданно радостном настроении, где-то я понимал, что моя оптимистичная позиция не будет главенствовать долго. Что меня ждут резкие перепады настроения с все большей склонностью к негативу.

5

Теперь, собираясь в магазин, я столкнулся с куда большей проблемой, потому что мой рост был 145 сантиметров, и любая одежда висела на мне так, что невозможно было передвигаться. Даже домашние вещи – футболка и бриджи – в последнее время доставляли мне дискомфорт, но здесь штанины волочились по полу, а рукава были как у Пьеро – длиннее самих рук.

Я сидел на стуле в прихожей спиной к зеркалу и боролся с желанием разорвать одежду. Поскольку понимал, что панический приступ может закончиться криками и слезами, а мне сейчас нужно сохранить хладнокровие, чтобы хватило сил и мужества исполнить задуманное. Вот когда вернусь с магазина, буду рвать шмотье сколько захочу, все равно оно мне больше не понадобится.

Я сидел опустив голову и вытянув ноги, и лениво волочил штанинами по полу, как вдруг подумал о своей детской одежде. Ведь я живу в этой квартире с рождения, что-то должно было остаться.

Я вскочил, стащил с себя висящие вещи, отшвырнул их ногой в угол прихожей и зашел в нежилую комнату, которая раньше была маминной. Стал искать по шкафам, особенно на верхних полках, куда уже сто лет никто не заглядывал. Перевернул все вверх дном и действительно нашел много детской одежды, даже больше, чем ожидал. То, что могло подойти я сбросил в кучу прямо на пол и стал мерить. Но все оказалось не так просто, что-то было маленьким, а что-то даже большим.

Когда я перебирал эту одежду меня охватил сильный приступ ностальгии. Каждая вещь хранила в себе воспоминания о каком-то периоде детства, и эти воспоминания накатывали волнами. В каждой словно был запечатан кадр или чувство, или размытый эпизод, и они хаотично перетекали друг в друга, сливались в танце, и теперь сказкой представлялся даже самый прозаичный момент. Стоило увидеть, прикоснуться к любой вещи, которой я уже много лет не видел и не касался, и подсознание будто приоткрывало заслонку, давая дорогу потоку, живому ручейку, наполняющему меня давно забытыми ощущениями.

Но восторг от того, что я сумел их открыть, а точнее – откопать в глубинах себя, быстро сменился печалью. Ведь если бы эта волна воспоминаний захлестнула меня в хороший период жизни, когда я крепкий духом, то я бы порадовался за *тогда*, но остался бы рад и за *сейчас*. Возможно она бы подкрепила мое теперешнее таким теплым прошлым и даже привнесла ощущение целостной мелодии моей жизни, словно добавила переливающегося напыления на мои взрослые очки. Но сейчас, как и в другие тяжелые периоды, когда постоянно приходится прибегать к помощи взрослого цинизма, я испытал горькую утрату детства. Какую-то пустоту, словно внутри меня пропасть. И на самом деле пропасть, и я уже лечу вниз, а романтические грезы остались где-то наверху оптимистичного восприятия.

И теперь, стоя посреди комнаты в своей детской одежде, я особенно ярко, особенно остро почувствовал, что детство мое отделилось от меня, все нити с ним разорваны. Оно окончательно умерло в прошлом и хранится только в моей памяти, по большей части запечатанное. И тот мальчик, которым я был, тоже давно умер, а я теперешний не особо-то на него похож.

Наконец я подобрал себе серые спортивные штаны и черный гольф с растянутой горловиной, свернутой валиком вокруг шеи. Эти вещи выглядели весьма прилично и сидели на мне почти хорошо, хотя последний раз я надевал их наверно в классе пятом. Поверх накинул потертую куртку с дыркой на рукаве. Куртка была великовата и очень поношена, но другой не было, а на дворе октябрь и идти без нее – это значит привлечь к себе лишнее внимание не по сезону легкой одеждой.

Я вообще удивлен – почему мама, когда еще жила здесь, пока второй раз не вышла замуж и не съехала, сохранила все эти вещи. Почему она их не раздала родственникам или попросту не выбросила? В любом случае сейчас я обязан этой ее привычке складировать материальные предметы, словно коллекционировать периоды жизни.

Я вышел из подъезда и поморщился от хлесткого ветра. Казалось, на улице стало холоднее за то время, что я сидел дома, а может я просто привык к комнатному климату. Тем не менее я ощутил всю полноту свежего воздуха, он ворвался ко мне в легкие, вытеснив застоявшийся дух квартиры, и я быстро пошел, словно готовый взлететь. В голове был легкий туман от резкой смены обстановки, но в этот момент мне стало очень хорошо, как будто в душу вселилась новая надежда.

Я обратил внимание, что деревья вдоль дома почти все пожелтели и покраснели, а газон возле подъездной дороги покрылся ковром опавших листьев. Все здесь быстро изменилось, как это бывает осенью, а я не засвидетельствовал эти перемены последовательно, поскольку мои окна выходили на другую сторону дома.

На парапете у магазина я увидел веселящуюся компанию подростков, которым было лет по 14-15. Они громко смеялись, один даже сгибался пополам в слегка наигранном экстазе, и каждый был выше меня. Мне в голову пришла глупая мысль, что если кто-то из них прицепится ко мне, например, стрельнуть сигарету и решит меня побить и забрать деньги, то я даже не смогу за себя постоять. Потому что любой из этих сопляков теперь больше меня и сильнее. Но они не обратили на меня внимания, поскольку были увлечены собой.

Я надеялся, что в магазине люди, как и в прошлый раз, не будут меня замечать, ведь все они тоже увлечены собой и своей суетой, но вышло иначе. Я часто ловил на себе недоуменные взгляды и смотрел в ответ, но не из храброго недовольства, а из любопытства – вдруг это окажется кто-то знакомый. Люди сразу отводили глаза, которые начинали лихорадочно бегать, не зная, чем себя занять. Некоторые тут же переводили взгляд на стеллаж с товаром и делали вид, что их там что-то очень заинтересовало. Знакомых среди них я не увидел и лишь один раз возле кассы заметил соседа с другого подъезда моего дома. Но он стоял боком, когда я проходил, и не смотрел в мою сторону, впрочем, этот старик мог бы меня не узнать и в обычном состоянии, как это уже бывало.

Я понимал, почему теперь мне не избежать интереса окружающих. Понимал, как странно выгляжу со своим ростом в 145 сантиметров и фигурой худощавого взрослого мужчины. Ведь в пропорциях я остался таким же и никак не походил на карлика с их длинными туловищами и короткими ногами. Возможно меня могли принять за ребенка, но... Я ощупал свое лицо и с ужасом вспомнил, что уже неделю, как не брился. В зеркале я не обратил на это внимания! Если бы хоть побрился, то может и сошел бы за ребенка, хотя вряд ли с моим взрослым лицом и залысынами. Но как теперь я выгляжу с щетиной!

Мне стало стыдно, да так, что захотелось сквозь землю провалиться. Интересно, сколько эти люди будут меня помнить?

Я постарался отвлечься от этих мыслей и сосредоточиться на покупках, и продолжил толкать перед собой тележку, продвигаясь между стеллажами. Тележкой стало сложнее управлять, она казалась мне огромной, и я действовал неуклюже.

Разумеется, за первый раз мне не удалось все унести. Еле дотащив домой кульки, в которые я и так загрузил слишком много, я даже не стал раскладывать еду в холодильник, а просто оставил кульки в прихожей, чтобы у сомнений и стыда не было ни единого шанса мной завладеть.

Во второй раз уже было полегче. Хоть поведение людей ничуть не изменилось, я стал относиться к этому спокойнее, потому что в этом уже не было обжигающей новизны. Я пытался ничего не забыть по покупкам, хотя в голове все время вертелась мысль – что будет, если я встречу кого-нибудь из знакомых? Я хотел кого-то увидеть, чтобы проверить их реакцию, про-

верить – не забыли ли они меня. Но в какой-то степени я очень боялся встретить знакомых, а тем более друзей, поскольку понимал, что вполне возможно увижу на их лицах то же отстраненное недоумение без привязки к личности, как и на лицах всех остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.